

Джума КУДДУС

ПРОЩАЙ, АВТОМАТ!

(рассказ)

Деревню охватил невидимый туман печали, дым тревог и проклятий, мгла словестной войны. Казалось, что вот-вот где-то смигнет молния, и языки пламени, взорвав небо и землю, облекут всё пространство. Неведомая сила разводила огонь, группа людей, под разными предложениями, внешне правильными, но искривляющими и беспокоящими сердец девизами, все больше и больше людей тянули на запутанное поле вражды и мести. Все это понимали, но никто не мог остановить это пламя, а кто посмел пойти против огня, его тотчас помечали «врагом народа».

Учитель истории единственной в деревне школы осуждающе называл таких людей «однодневными героями истории» и просил своих учеников:

– Они поджигатели войны, своей сладкой и чеканной речью заставляют нас враждовать между собой. Не поддавайтесь соблазнам, не вступайте в их ряды. Не оказывайте сопротивление и не стройте баррикады. Это временно. Государство поджидает удобного момента, настанет день, когда оно потянет за поводок и посадит их на место...

Однако либо «поводок» оказался слишком длинным, либо государство не было способно вовремя потянуть. И учителя объявили врагом народа, а словесные огнемёты действовали всё ускореннее, и с каждым днем применялись всё новые, наводящие ужас интриги. В окрестностях деревни внезапно исчезали авторитетные люди. Затем распространялись страшные слухи о том, что их увезли в горы для «собирания картошки» или для «рыболовства». Через несколько дней опухшие обезглавленные тела находили в арыках и пашнях, либо собаки находили трупы, роаясь в земле. Родственники погибших, с горечью в сердце, в желании отомстить, брались за оружие и больше не опускали. Таким образом, смертоносный круг волочил в себя всё большее количество людей.

Бахтиёр – смуглый трудолюбивый парень, годом ранее вернувшийся из армии с полной грудью медалей, работал плотником, и по наставлению своего отца–дехканина не вмешивался ко всему этому. Честным трудом и добротой заслужил он уважения односельчан, потому его называли «Баха-джаном».

Но однажды вечером палящий дым без проса ворвался и в его дом.

Баха проснулся в полночь от смутных голосов. Беспокоившись, направился в комнату отца. Двое в масках связывали отцу руки. Сжав кулаки, он набросился на них, но в темноте кто-то ударил его прикладом винтовки по голове. Разбойники поспешно уносили свою «добычу». Через пару секунд, придя в себя, Бахтиёркинулся на одного из них. Враг растерянно направил на него автомат. Вспомнив некоторые боевые приёмы армейских лет, он дважды подпрыгнул в воздух и сделал приём «вертушки» - ударил ногой в шею автоматчика. Отняв у него оружие, снял маску. Узнал. Это был Саид из окраины деревни. Бахтиёр побежал на улицу, но машина без номеров наспех отдалилась. Он вернулся к Саиду.

– Куда вы отвезли моего отца? ... Кто ваш главный?

Саид был не в состоянии говорить. Его горло хрипело.

– Говори, а не то уничтожу весь твой род.

– Это Ханнон... – ответил Саид и добавил. – Увез в горы.

У Бахтиёра спустились руки. Исход этой вынужденной поездки был очевиден. Он никак не мог понять, зачем им понадобился его невинный отец...

На самом деле Ханнон сам не знал, чего хочет и что хотят от него. А отличался он от других лишь тем, что откуда-то доставал оружие. Теперь он ощущал, что автомат стал неотъемлемой частью его тела, его души. В его голове самопроизвольно рождались новые идеи. Иногда он сомневался, но будто уселся джин на его шею, и постоянно внушал ему:

– Скажи: Да здравствует, автомат! Прощай нужда! Прощай, рабство! Прощай, печаль! Ты сильный! Весь мир принадлежит мне! Вселенная создана для меня!

А автомат требовал крови, новых и новых жертв.

Люди, оказывающие помощь Ханнону открыли для него частную компанию и перевели для него из государственного банка десять миллионов «деревянных» рублей. И поясняли: «Никто в банке не спросит этих денег. Через год их цена будет равна соломинке». А главное, на его расчётный счёт перевели немалую сумму несколько зарубежных лиц, и компаний. Но теперь от него требовали больше жертв. Они ежедневно желали свежей крови.

Бахтиёр поклялся, что отомстит Ханнону. Вокруг него собралось несколько молодых парней, каждый из них был угнетен. Одноклассник Бахтиёра Каромат предложил:

– Ты недавно вернулся из армии, знаешь боевые методы, автомат у тебя есть. Стань нашим главой. Мы вместе разыщем твоего отца. И нам есть о ком скорбеть. Отомстим вместе.

Эту мысль поддержал и учитель истории:

– Правительство разваливается, чиновники не гарантируют даже своей жизни. Собаки не узнают своих хозяев. Мы должны сами защитить себя. У них имеется штаб и оружие. И у нас должен быть народное ополчение...

Сформировался штаб. Учителя избрали руководителем штаба.

Поиски отца начались с молниеносной атаки. Очевидно, в горной местности никто не поджидал Баху. Несколько человек, включая Ханнона, сели на машину с открытым верхом. Подбежав к машине, Бахтиёр открыл огонь. Пуля проскользнула мимо Ханнона, но не задела его. Баха прицелился в колеса машины. Она понемногу замедлила ход, а затем вовсе остановилась. Ханнон выбросился из машины и побежал на склон горы. Баха поспешил за ним. Но не нашел ничего кроме шапки насквозь пробитой пулей. Ханнон и его люди спрятались за широколиственными кустами склона.

Несколько оставшихся юношей быстро сдались. Однако никто из них не знал, что сделал Ханнон с его отцом и где он сейчас находится. В сердце Бахи не осталось ни капельки сочувствия и жалости. Он перестрелял каждого.

Вражда между двумя кварталами в селе нарастала изо дня в день. Вооруженные группы обеих улиц убивали каждого, кого застигали врасплох. Таким образом, забавляясь, мало-помалу всех охватил обжигающий огонь войны. Теперь люди обсуждали деяния Бахи и его людей. Сам учитель истории вступил в ряды «одневных героев истории». Его убили с неслыханной жестокостью.

Народ извелся, привык к крови, ежедневным убийствам, разорению, похоронам. Их сердца покинула надежда и вера в благородные мечты. Им наскучал домашний скот, дом и имущество, когда жизни человека не осталось цены. Все думали только о том, чтобы выжить сегодня, сейчас.

Мощь Ханнона увеличивалась, он выигрывал в словесном сражении, объявляя везде в мире своих противников неправовыми. И ему откуда-то оказывали помощь. Но взамен требовали жертв. И Ханнон их приносил. Он совершил ночное нападение на деревню. Убил многих жителей. Выжившее население сбежало в горы. Они крайне измучились. Хотели помощи.

Баха остался в деревне с группой из семи человек. Сражался семь дней и семь ночей. Когда весть об этом дошла до сбежавших в горы жителей, их гнев и злость разгорелись пуще. Они вернулись обратно. В этот раз с оружием. Как яростный поток. И во главе с Бахой разбили отряд Ханнона, напали на его деревню, подожгли всё дотла. И теперь Ханнон убежал в горы со своими сторонниками. Так как горная тропа была перекрыта, они, перейдя русло реки, сбежали на границу соседнего государства. Некоторые утонули в воде, иные погибли на суше. Неслыханное дело: образовалось кладбище чужеземцев.

Баха одержал победу, но злость в его сердце не сбавилась, укрепилось желание мести. Он изменился. Изменилось его сердцебиение, кровообращение, мысли и изложения. от мягкосердечного добродушного парня не осталось и памяти. Он всегда был недоволен, не имел спокойствия, с брезгливостью относился к речным водам, полевой пшенице, и садовым фруктам, ведь они пахли отцовской кровью, усиливая желание мести. Ни днём, ни ночью он не мог заснуть. Несколько парней, которых он освободил из плена Ханнона, теперь стерегли его. Их главой был Гизала, служивший недавно в советской армии. Они дежурили по очереди и на подступах к селе.

Однажды Баха увидел его гордо стоящему в центре площади без защитных средств. А тогда намало людей ходили с оружием, а некоторые сами толком не понимали к какой группе относятся, воров тоже хватало. Даже шальная пуля мог попасть к нему. Баха советовал ему поберечь себя. Гизала заявил:

-У меня могучий защитник. – Расстегнув пуговицу камуфляжа, он достал из верхнего кармана над сердцем книжку «Коран». – Вот, мой защитник...

Баха удивился:

– А Ханнон всюду оглашает, что мы безбожники...

– Нет, – воскликнули ребята. – Бог с нами...

Иногда Баха в независимости от того полночь это или полдень, на мгновение мог вздремнуть. Защитники осторожно отходили в сторону, чтобы не мешать ему спать. Но Баха сразу же видел плохие сны: иногда отца с отрубленной головой, иногда друзей или родственников со связанными колючей проволокой руками, утопивших в реке или распавших на палящем солнце. Проснувшись в ужасе, он желал мести и искал оружие. Ребята в этом случае, заранее сообщая уносили его автомат подальше.

Но всё же Баха задумывался над каждым выстрелом. Как-то вечером его позвали на улицу. Потерпевший муки Хасан, который недавно лишился двух своих братьев, вел двух мальчишек лет 17-18, с завязанными руками. Вокруг них собрались любители приключений. Указав на побледневших от страха юношей, он сказал:

–Они из рода убийц моих братьев. У тебя есть автомат, выстрели в них.

Баха стоял в недоумении:

–Я сражаюсь с вооруженными, и никогда не стреляю в безоружного.

–Убей их, – потребовал Хасан.- Ты хочешь отомстить. Я хочу того же.

–Они были там во время убийства твоих братьев?

– Нет.

–Чем они занимаются?

– Они крестьяне.

–Тогда они невиновны.

–Я считаю их виновными.

–Для подтверждения их вины существует суд.

Хасан пришел в ярость. Ни один факт, ни одно доброе слово не могло свернуть его с пути.

–Они враги и должны умереть....

–Если следовать твоим словам в стране не останется ни одного таджика.

–Твою мать... - ругал он своих кровных врагов. – Но ты прав. Таджиков не останется.

Он хотел голыми руками удушить своих врагов. Но подумав, по совету Бахи, сдал их в милицию. Через какое-то время арестованных выпустили и разрешили вернуться домой.

После этого случая народ больше зауважал Баху.

Правительство созвало всех на примирение. Президент предпринял серьёзные шаги и проделал большую работу в достижении мира. В переговорах с вооруженной оппозицией несколько раз подписали мирный протокол, но нашлись силы, которые через несколько дней нарушили их.

Баха разумом осознавал, что этот шаг важен, но не мог принять сердцем. Он ни капельки не верил Ханнону, его сторонникам и односельчанам. Слежка и месть продолжились. И тут группа, в составе которого был и Ханнон, наступала на соседнее село. И опять разогрелась огонь мести в душах людей.

Жизнь 90-х не была столь приятной. Как будто, так и должно было быть. Но Баха задумался. Почему не сделать её лучше? По ночам Баха один бродил вокруг деревни. Однажды он услышал жалобу старушки:

– Если бы в нашей деревне был «букка» (вол, беспредельщик) было бы и свет и газ...

Баха решил вопрос и без «букки».

Когда он вошел в управление райгаза и электричества, человек в шляпе сказал, что потребуется время и бумаги, которые должны подписать такие же в шляпе, как и он сам. Просить было бесполезно.

Лысый сказал усмехнувшись:

– С утра ладонь чешется: тому что поедим мяса.

Баха серьезно ответил:

– И моя рука с утра чешется, – после, почесав ладонь дулом пистолета, добавил. – Точно сегодня побью кого-то.

Лысый понял:

– Прошла эпоха бумажек, настал век автомата...

Вопрос решился мгновенно: электричество и газ поступали без ограничений.

Соседка попросила отвезти её рожаящую дочь в больницу районного центра. Но на пути находился вооруженный отряд, который никому не подчинялся. Баха хотел отвезти её на своей машине, но сказали, что ему нет гарантии, вернуться целым и невредимым. К тому же, будущая мать может стать жертвой именно из-за него, возможной стычки с вооруженными формированиями.

Баха постучал к главрачу района, затем в местную власть, и ещё в несколько учреждений. Не вышло. Он принялся за угрозу. Не вышло. Он зарядил ствол автомата. Вышло... В деревне построили родильный пункт.

После этого у Бахи поднялся авторитет. Его словами не разбрасывались. Его слово стало законом. Его слово стало аргументом. Слова других затихли. Теперь деревня приобрела хозяина. Построили магазин, а для снабжения продуктами, один человек в шляпе дал такой совет:

–Открой свою фирму. Займешь деньги в банке, а после обмена валют вернешь.

Баха пояснил:

– Но я не разбираюсь в торговле...

– Тебе помогут. С тебя только указ.

Привел Бог. Сбывались все его желания.

И Баха пришел к такому выводу, что не готов бросить оружие. Будто и на его плече кто-то весело твердил:

– Да здравствует, автомат! Прощай, рабство! Больше не нужно опускать голову перед начальниками, больше не нужно бегать из конторы в контору ради какой-то бумажки! Да здравствует, абсолютное счастье!

Однако автомат требовал крови.

И сам Баха не был удовлетворен. Ни чем, ни кем. От речной воды, садовых фруктов и пшеницы окрестностей деревни до сих пор разило запахом крови. Мясо барана, что пасется на поле, для него пахло человеческой кровью. Из горного источника, звеня в трубу, принесли воду, муку привезли из Казахстана, мясо домашнего скота привезли из зарубежа. Однако... с воздухом не могли ничего поделать. И в жару и в зной оно пахло кровью. Единственный путь спасения он видел в отомщении.

Тут дошли слухи, что Ханнон со своей группой ночью напали на соседний район. Он тотчас направился туда, но они уже давно успели поменять пристанище.

И мучила его бессонница. Старшие посоветовали ему жениться.

Несмотря на войну и траур, каждую неделю в деревне проходила свадьба. Скандалом завершилось одно такое мероприятие: когда невесту вывели из отцовского дома, неизвестная группа окружила машину. Высадив невесту, незнакомый юноша отвез её в свой дом и вступил с ней в брак. Спустя какое-то время оказалось, что он сильно любил её. Родители невесты хорошенько отругали юношу, но после поневоле дали согласие.

Сердце Бахи принадлежало Чаман, подруге его школьных лет, но его призвали в армию. По старинному обычаю, девушка должна была слушаться своих родителей. А они в свою очередь были склонны женить дочь на Шакаре - старшего сына заведующим магазина, который обещал достать им дефицитные товары «из подприлавки». Торгаши тогда были в большом почёте. Подражая известному индийскому фильму, все называли его «Шакка». Но когда Баха вернулся из армии, завмага посадили в тюрьму, и свадьба была отложена. Теперь продавца и его сына считали врагами. Родня Чаман знали о давнешней любви Бахи и боялись, что он может испортить свадьбу. Во избежания беды, они послали к нему людей, спросить, не передумал ли он жениться, и если нет, они готовы отдать ему «свой единственный семейный цветок, жемчужину мамино сундучка и нежноизбалованную отцом дочь».

Баха был одновременно и рад и подавлен. Теперь, когда у него в руках автомат, добыча сама просилась под ноги. Но он был уже достаточно насытлен о подлинной любви, дружбе и ненависти, зависти и злости, преданности и предательстве. Как-то вечером он отправил свою одноклассницу Давригул с посланием к Чаман. А сам надел спортивную форму, спрятал за пояс пистолет и натянул кепку на лоб, чтобы не узнали. Перепрыгнув изгородь, он вошел во двор и, взобравшись на ореховое дерево, принялся молча взирать вокруг.

Давригул без промаха выполнила задания. Чаман с испугом огляделась, и решительно заявила: « В гробу я видела Шакку и того же Баху. Не желаю обоим! Я вынуждена это сделать, дабы моим родителям не причинили вреда... Но лучше пусть оставят меня в покое. Один украдывает людей, другой их жизни. Как я смогу называть вора в законе, или убийцу отцом своих детей? Ничего не хочу»...

Баха с трудом держал себя в руках. Вернувшись, домой поклялся, что больше не посмотрит в её сторону. Уничтожит до одного весь её род... Но в ту ночь ему приснился отец. Баха уронил из рук кольцо. Отец посоветовал: «Не следуй за тем, что выпало из рук, знай, что оно тебе больше не принадлежит».

Баха очнулся, слова Чаман и наставление отца во сне, словно кинолента проплывали перед глазами. Глубоко в душе он был согласен с ним. Нужно проявить терпение. Он даже поклялся, что больше никогда не направит автомат на жителей деревни, неважно хорошие они, или плохие. Он спрашивал у старейшин деревни, что он делает правильно, а что неверно. Но почему-то никто не давал точного ответа, всем были по душе его деяния, и убийства и помилования... Впервые говорила правду Чаман. Где до этого была она?...

Его голова раскалывалась от боли. Было слишком много противоречивых мыслей. Положение менялось каждую ночь. Продолжались крупные и мелкие бои. Порой победу одерживали те, а порой эти.

В воображении Бахи Ханнон и жители его деревни представляли в образе злых нечистых духов. Он замыслил уничтожить всех до одного... за кровь отца...

Однажды в поисках убийц он завернул в деревню у дороги. От Ханнона и его сообщников не было ни следа. Баха угрюмо погрузился в раздумье. Теперь даже хозяин дома Нурулло казался ему врагом. По природе озорной Нурулло, всерьез попросил:

—Пожалуйста, как-нибудь постарайтесь, чтобы скорей один из вас победил. Мой дом самый крайний, у дороги. Вы все без проса, с грохом вламываетесь. Ради жизни детей, я так улыбаюсь и ему и тебе, что у меня уже губы искривились...

Баха впервые улыбнулся.

—Да-а, умеешь тихонько намекнуть. Всем надоела война. Всем...

Когда в очередной раз они поехали в деревню Ханнона на бронированной машине, начался праздник Навруз. Старушки встретили их хлебом да солью. Баха попал в безвыходное положение. Он расслабился. Даже думать плохое о хозяевах, чей хлеб и соль ты отведал, считается неправильным, даже грешным. И стар, и млад от всего сердца радовались празднику, точно не было никакой войны. Все желали радости, спокойствия. Баха обеспокоенно посмотрел на бронированную машину. 8-10-летние ребяташки из вражеской деревни украшали её цветами, они даже запихнули подснежник в дуло пушки.

Защитники, оставаясь на месте, брали из рук ребяташек цветы и засовывали в дула своих автоматов. Но всё же основная группа была в тревоге и держала автомат наготове. Так хотелось радоваться вместе с народом, но а что если враг сидит на засаде и ждёт подходящего случая?

Сердце Бахи затерзало от мук. Он вспомнил, зачем явился сюда: для мести за отца. Мелькнула одна мысль: «Зачем ты пришел? - Нужно уничтожить всех до одного»... Но другая мысль перебила первого: «Но в чем они виноваты? А эти ребяташки с цветами постыли во стократ умнее, чем взрослые»...

Пока он думал, пожилой старик раскрыл перед лицом ладони на благословение. Опять ему вспомнился убитый отец. Боже... Тот старик был чем-то похож на его отца... Седина, небольшая белая борода, тюбетейка и маленькая чалма на голове. Баха не понимал, сон это или реальность. Даже благословение старика была точь в точь отцовской молитве: «О Аллах, даруй нам мирное небо, изгони обиды из наших сердец»...

Баха также поднял ладони к лицу. Его сердце наполнилось радостью, но оно было запятнано болью. Он невольно залился слезами. Все удивились тому, что и человек с автоматом способен на слезы. Что и у него имеется сердце, чувства, страдания.

По древним обычаям Навруза все поклялись отбросить прочь обиду и ненависть, простить друг друга, и больше не враждовать... Баха надеялся, что весенние цветки никогда не покинут дула автоматов и пушек.

Однако...

С того берега реки вновь наступили... Вероятно, они дали на празднике Навруз другую клятву... Только Баха дивился тому, откуда Ханнон достает столько оружия. Ведь он в своей стране, а Ханнон на чужой территории. Иногда после сражений он находил среди убитых арабов и афганцев. Что они здесь потеряли, что впустую отдали свою жизнь...

Однако политическая обстановка немного поменялась. Правительство искало способы примирения. Многих вернули из чужбины. Глава государства возвращал сердцам веру и надежду. «Одnodневым героям истории» постепенно переставали верить.

Все были в поиске мира. Ведь пламя войны обжигало каждого.

Жители улицы, что были родственниками Ханнона нехотя стали врагами для других жителей деревни и переехали на другую сторону реки. Когда Глава государства призвал всех к заключению мира, большая часть из них вернулись. Несмотря на разрушенные дома, в их сердцах ожила радость.

По указу правительства, хотел, или не хотел, сам Баха устори́л «оши ошти» - плов мира, в аналогии «трубки мира» - угощение в честь мира и согласии. В ходе теплой беседы, старушки признались, что питают отвращение к Ханнону, который присоединился к какой-то противостоящей группе и давно уже никто не видел его. Они заявили, что хотят жить как прежде мирно и спокойно. В своих домах.

– Ужасно, когда кладбище на чужой земле. Пусть мы простимся с жизнью в своей родине. Больше нам не о чем просить...

Сердце Бахи заныло.

Следом подошла другая женщина в траурной одежде и начала кланяться ему в ноги:

– Передай этот поклон и мою благодарность своей матери Бахтиёр-джан. Полгода назад Хасан поймал двух моих братьев и собирался пристрелить, но ты спас их жизни, сказав сдать их в милицию. Ночью милиционеры выпустили их, и чтобы вновь не попасть в руки Хасана, они пошли в твой дом. Тебя вместе с отрядом не было в деревне. Пожалев ребят, твоя мать накормила и напоила их. И до утра дала им укрытие. Утром, провожая их до главной дороги, отвечала всем, что это её племянники приехали проведать. Ради твоей матери, никто не смог к ним придратся. В этой войне из 8 братьев у меня осталось только эти двое. Я до конца своих дней признательна тебе и твоей матери. Теперь она и для меня мать...

Глаза Бахи наполнились слезами...

Все простили друг друга. Искренне.

Но...

Международные организации выслали гуманитарную помощь в виде строительных материалов. Баха тоже принялся помогать. Устроив всенародный хашар, каждой семье построили по комнате. Каспер – шустрый представитель одной гуманистической организации, хотел сфотографировать Баху для зарубежного издания, чтобы все узнали, что вчерашние соперники сегодня рука об руку восстанавливают сожжённые на войне жилища. Привезя с собой фотографа и оператора, Каспер попросил Баху встать, уклонившись рукой о разрушенную стену, с задумчивым лицом. А далее с помощью технического монтажа, они добавляют в его думы радостных людей на фоне благоустроенных домов.

Баха был рад, его руки были свободны: ни автоматов, ни пистолетов. Он улыбнулся, вспомнив благородные прожитые дни. Но не положил руку на стену. Каспер напомнил, что наступает вечер и уже начинается темнеть. Поэтому, пусть скорей положит руку и ...

Улыбка не успела сойти с его губ, как Баха заплакал. Он сквозь слезы спросил:

– Почему я должен класть руку на эту кровавую стену? Ведь это дом племянника Ханнона! Стена дома племянника убийцы моего отца! Мой двоюродный брат жил в конце этой улицы, но мы не могли увидеться. Если бы эта улица не была враждебной, он бы явился к нам на помощь, и мой отец, возможно, остался бы жив! А как-то ночью они вживьем сожгли моего двоюродного брата. Я наблюдал за этим с другой стороны улицы, но не мог прийти ему на помощь. Они встретили меня выстрелами автоматов. Пули проскальзывали мимо моей головы, и даже насквозь пробили шапку. Одна пуля задела плечо. Бой длился почти час. У нас кончились патроны, и мы вынуждено отступили. Издалека я видел лишь, как враги поджигают дом моего двоюродного брата. Тогда я сам мысленно сгорал. Но ничего не мог исправить! Будто это бесчувственное зрелище случилось вчера, никак не могу его забыть! Так почему я должен класть руку на эту кровавую стену, на это гнездо убийц?!

Баха рассказывал с тоскою и слезами, нащупывая при этом карманы. Каспер хотел что-то пояснить, но ребята подали знак, что сейчас лучше помолчать. Не проронив больше ни слова, Баха зашагал в сторону поля. Защитники пошли следом. Позже Касперу объяснили, что тогда Баха искал в карманах свой пистолет, но он был в руках у ребят, а он мог пристрелить и его. Каспер осознал, что обиды еще сохранились и одним приказом проблема не решится. Нужно время, чтобы неприязнь навсегда покинула сердца...

Отряд Ханнона снова напал на деревню, где жила племянница Бахи. Баха со своей группой всеми силами изгнали противников. Вновь погибли люди, двое из рода Бахи, двое из рода Ханнона и ещё пару человек. Но самого Ханнона не было. Хотя отряд говорил от его имени. Баха вспомнил, что такое положение длится уже почти два года. Были и отряды, действующие и убивающие от имени Бахи. Их оставалось все меньше. Еще пару нападений и в роду обоих несчатных и не останется больше мужчин. Счеты равны.

Глава государства, собрав всех, объяснил, что примирение неизбежно, оружие придется сдать. Этого желали все. Это давало возможность выжить представителям

потомств и продолжить человеческий род. Однако... не все верили. К тому же, когда оружие забрали и у Бахи, тот упал духом. Словно кто-то уселся на его шею и твердил:

– Скажи: Прощай, автомат! Прощай, свобода! Прощай должность! Прощайте, друзья служители! Прощайте, доллары! Привет большим и малым начальникам! Привет бесконечный бег из одной конторы в другую ради одной подписи на бумажке! Прощай, счастливый напев! Прощай, счастье! К чему теперь мне этот мир?

Но он потянул за поводок проклятого дьявола, и заявил ему: «Надо менять эпоху».

В один прекрасный день Баха отыскал и убийцу отца. Но к тому времени наступил уже мир. Встретившись, они оба молчали. У Ханнона поседели волосы. Он повторил слова Главы государства:

– Мы должны простить друг друга. Иначе нация вымирает.

Баха с обидой прервал его речь:

–Верно, это созыв главы страны. Ты только ответь мне, зачем убил моего отца?

–Отца твоего я не трогал, лишь передал другим. А что с ним делали, я не знаю. А привёл их в твой дом потом, что сказали, что он убийца моего отца.

–Кто сказал!?

–Сложно будет теперь вспомнить. Будто бы по вине твоего отца моего посадили в тюрьму, и он там умер. Но потом стало ясно, что это была кровавая игра, простой вид пропаганды, дабы сделать из нас врагов. Мы все совершили ошибки. Винаваты, что плясали под чью-то дудку. Но если будем продолжать винить друг друга, ни за что не достигнем мира и единства. Понимаю, это сложно, но мы должны простить друг друга. У наших врагов плохие намерения, но наше примирение разрушит их планы. Вот увидишь, такими же созывами и впредь они заставят враждовать народы различных стран. Но мы уже раз горели. Достаточно. Мы должны возродиться из огня и пепла, как птица Феникс. А для этого должны уметь прощать. Надо начинать. Нам же, Бахтиёр.

Баха давно уже забыл своё настоящее имя. И это ему понравилось. Ведь Бахтиёр означает – приносящее счастье.

–Глава страны взял с нас обещание соблюдать перемирие, – подтвердил Баха - Все кто свернут с этой дороги, будут считаться врагами мира и единства.

–Верно. Видишь, чем это заканчивается, когда не прогоняешь из сердца ненависть: ты терзаешь сам себя, а страданий больше достается бедному народу.

– Но ответь мне, - не смог сразу успокоится Баха. - Когда мы победили, откуда вы за ночь достали деньги и улетели на самолёте за границу?

–На самолете полетели начальники. Мы добирались пешком, через реку. Сейчас у них новые высокие должности, а мы остались у разбитого корыта. Обидно, что мы попросту бились ради их должностей.

– В моей голове рождается мысль, что мы должны были погибать одними из первых, ведь сколько раз пули проскальзывали над нашей головой, сколько снарядов взорвалось в шагу от нас, но оказалось, что Богу не зачем наши души, раз мы все ещё живы.

– Точно, мы оба недоубитые, осужденные на смерть. –Ханнон как всегда был красноречив. - Но то, что мы оба остались живы - это не случайность, это Божье повеленье. Раз мы начали войну, мы должны её закончить, доказав народу существование мирной и спокойной жизни. Легче говорить тому, кто не был на этой войне, но ему не поверят. Однако мы сами подобие войны и если мы, «живые мертвецы», посеём урожай, восстановим наши обгорелые дома, воспроизведем на свет новое поколение, построим родину полную света, любви и ласки, другие последуют нашему примеру. Разве не это смысл самой жизни? Меняя самих себя, меняя свои мысли, мы должны объяснить эту суть следующему поколению, должны рассказать им сказку о расставании с автоматом. Затем чтобы ни один ребенок больше не брал его в руки...

– Дай мне свою руку...

Слова Ханнона вселяли надежду. Они простили друг друга, хотя в душе не верили в происходящее. Вчерашние кровные враги вместе посеяли урожай. И впервые речная вода не пахла кровью. Впервые золотистый хлеб из родных деревенских полей не пахло кровью. Не стало запаха крови и в воздухе.

Впервые Баха заснул младенческим сном. И ему приснился отец: в белой одежде, он сидел оживленный на небесном облаке...

Мало–помалу они привыкали друг к другу, к совместной жизни под одним небом. Их стало всё больше и больше. Тысячи, сотни тысячи. И победили. Постепенно возникла любовь и дружба между их детьми. И все кто, осилили этот путь, победили.

А те, что не захотели прощаться с автоматом, подвергли смерти собственную жизнь и жизнь своих близких. Их стало все меньше и меньше...

История свидетельствует: в результате гражданской войны 1992–1997 годов в Таджикистане погибло больше 100 тысяч человек, тысячи людей пропали без вести, 60 тысяч бежали в Афганистан, 195 тысяч принужденно эмигрировали в страны бывшего союза. Больше миллиона людей оставив свои дома, измученно скитались по республике. 25 тысяч женщин остались вдовами. 53 тысяч детей остались сиротами. Война обоилась республике в \$10 миллиардов долларов США.

При всем этом, отчаявшийся и враждовавший между собой народ, при созыве, инициативе и настойчивым усилиям Молодого президента страны Эмомали Рахмона смогли простить друг друга, победила извечная таджикская мудрость, и республика заново возродилась...

Перевод Тахмина Эмин